

Линь Юшу слишком резко сузил зрачки, даже не удержавшись — протянул руку и слегка коснулся клыков собеседника.

Правда. Настоящие, это самые настоящие клыки!

— Что происходит? Брат Шэн, зубы, твои зубы!!! Вылезли! — во все глаза уставившись на него, шокировано произнес Линь Юшу.

— Забыл, кто я? — произнес тот, с полуусмешкой перехватив его руку и втянув кончик пальца к себе в рот, не сильно, но ощутимо прикусив. — Ты ведь никогда не звал меня братом Шэном.

Линь Юшу от этого укуса аж вздрогнул.

— Имя? — спросил он.

— Шэн Е. — Глядя на него, с глубоким чувством ответил тот.

В следующую секунду клыки исчезли, он притянул его за талию ближе и, почти нетерпеливо, впился в его губы поцелуем.

В голове у Линь Юшу гулко зазвенело.

Поцелуй Шэн Яня был властным и яростным, похожим на огонь, готовый вмиг сжечь человека дотла; Шэн Линь целовался так, словно во рту у него был снег — эфемерный, прохладный.

Шэн Сючжи — или, пожалуй, стоило звать его Шэн Е — выглядел примерно так же, но эмоции бурлили сильнее, а в глазах полыхала багровая, густая, как кровь, краснота.

Часы на его запястье уже несколько раз завибрировали.

Спустя добрый десяток секунд Линь Юшу понял: ему не нравится это ощущение.

Сердце Линь Юшу затрепетало.

Но ведь это не наш дом. Ты правда уверен, что нужно здесь? А вдруг кто-нибудь постучит?!

— Здесь, — промолвил Шэн Е. — Малыш, я не могу ждать, — жадно добавил он.

Линь Юшу:

— Можно-то можно, но...

Он вцепился в его запястье и властно отвел поцелуй, превращая то, что должно было стать томным мгновением, в настоящее поле боя.

Сам он не знал почему, но этот голос он слышал уже столько раз, и тем не менее Линь Юшу находил голос Шэн Е невероятно красивым — словно скользящая по коже бархатная ткань, способная вызвать легкую дрожь. Когда выдыхаемый воздух касался уха, половина его тела немела; будто выдержанное десятилетиями крепкое вино, опьяняющее настолько, что даже в голове затуманилось от хмеля.

Прости, я думал, ты говоришь о том, чтобы раздеть меня.

Силы их были равны.

Они оба стремились подавить, подчинить, одолеть друг друга, выбить из чужого лица смену выражений, заставить издать едва уловимый звук, увидеть в глазах покорность.

Сердце Линь Юшу на миг сбилось с ритма, и он произнес:

— Здесь?

А сам поцелуй в этот момент казался... грабежом и бойней.

Линь Юшу:

Перехватив запястье Линь Юшу, он оставил на нем поцелуй и выпалил всю эту неразбериху:

— Малыш, можно?

Он только что успел мысленно отчитать себя за поток всякой пошлости в голове, как вдруг почувствовал боль в запястье — клыки Шэн Е появились вновь.

Мало того что появились, они тут же впились в плоть. В тот самый миг, когда клыки пронзили кожу, Линь Юшу судорожно вздрогнул.

Похищая его воздух, кровь, душу и самую волю, Шэн Е заставлял Линь Юшу чувствовать себя настоящей «жертвой», блюдом, выставленным на стол, на милость пожирателя.

Когда поцелуй наконец завершился, Линь Юшу казалось, будто он пробежал два километра: лоб покрылся испариной, дыхание стало тяжелым, а в голове царил полный кавардак.

Остальные слова договорить не успели: Шэн Е нетерпеливо перехватил запястье Линь Юшу, сорвал бинты, которыми ранее все обмотал Шэн Сючжи, и с благоговейным видом припал губами к ране.

Но самое странное — ему было совсем не страшно.

В обстановке, которая по всем канонам должна была пугать, в сердце Линь Юшу не шевельнулся ни единый страх.

Ни капли.

Напротив, он чувствовал себя в безопасности и даже ощущал странное знакомое тепло.

Да, знакомое.

Это чувство узнавания поднималось из самых глубин памяти, в груди Линь Юшу все вибрировало, и он почти не сомневался: всё это происходит не впервые.

Вот только все последние пять лет знакомства и любви с Шэн Сючжи стояли перед глазами во всех подробностях — если он действительно переживал подобное раньше, то когда же?

А тот всё продолжал пить кровь из запястья Линь Юшу, и эта ненасытная жажда, мольба, трепет и неистовое стремление выплескивались наружу без всякого смущения; Линь Юшу теперь охотно верил, что этот вампир действительно жаждал крови сотни лет.

И тем не менее даже в такой момент этот человек выглядел исполненным изящества.

Линь Юшу доводилось видеть в кино сцены, где вампиры утоляют голод, и всегда казалось, что сколь бы красивыми ни были актеры, в такие минуты они выглядят свирепо, подчиняясь инстинктам скорее зверей, чем людей.

Но Шэн Е был другим.

С точки зрения художника, Линь Юшу находил открывшуюся картину прекрасной — настолько, что ему захотелось схватить кисть и запечатлеть ее.

Шэн Е испытывал неистовую жажду, но держался с абсолютным достоинством; две противоположности поистине сошлись в одном человеке. У него была бледная кожа, алые глаза и губы, изящество, невозмутимость и размеренность — таинственность и благородство были буквально вплавлены в его кости, в то время как во взгляде читались одержимость и безумие предельного накала.

Словно заоблачный божественный небожитель, павший перед лицом собственных желаний и низвергнутый в мир смертных. Былое сияние обратилось тусклым лунным светом, а некогда ослепительный блеск стал чистейшим наваждением.

Падшее божество во тьме.

Линь Юшу на мгновение погрузился в полудрему, и в голове вдруг всплыли обрывки воспоминаний: небывалой роскоши и праздности дворец, тусклое освещение и фигура на возвышающемся троне.

Он попытался разглядеть лицо этого человека, но разум пронзила острая боль, и видение стремительно отдалилось. Линь Юшу тряхнул головой, раздумывая, не потерял ли он слишком много крови — стоп, неужто его выпьют досуха?!

Не успела эта мысль оформиться, как Шэн Е остановился. Заметно контролируя себя, он с явным сожалением убрал присосавшиеся клыки.

Затем он взглянул на Линь Юшу, уголки его губ изогнулись в улыбке, и он слизал капли с раны.

Что-то исконно принадлежащее лишь кровопийцам просочилось сквозь ранку прямо в кровь Линь Юшу. В тот же миг мириады ощущений единым взрывом громыхнули в его голове.

Невозможно было описать словами ту прелесть, умиротворение, безопасность и тепло, что накрыли его; казалось, он сам превратился в жидкость и растворился. Всё прекрасное в мире окутало его, разливаясь по телу истомой, принося пьянящее, согревающее расслабление, которое от шеи распространилось в каждый уголок его существа.

Это ощущение пронзило саму его душу, заставляя каждую пору, каждую капельку крови и каждую клетку тела издавать ликующий гул.

Он увяз в этом блаженстве, словно погрузившись в самый прекрасный гипнотический сон.

Погружаясь в это предельное наслаждение, Линь Юшу забылся сном, а на его губах еще теплилась улыбка.

Шэн Е прижал Линь Юшу к груди, протянул руку и поправил его волосы.

Его жажда крови Линь Юшу достигла совершенно невообразимых высот — пожалуй, это можно было сравнить с человеком, который после долгого изнурительного пути по пустыне, едва не умирая от жажды, наконец-то добирался до воды.

И тем не менее, испив ровно столько, сколько требовалось, он сумел спокойно отстраниться от чужой кожи.

Слух кровопийц многократно превосходит человеческий, и сейчас он отчетливо слышал бег крови в сосудах Линь Юшу. Это звучало невероятно соблазнительно, но Шэн Е давно привык сохранять холодный рассудок посреди подобного искушения.

Он поцеловал Линь Юшу в губы, прижал к себе, опустился на диван в комнате и по привычке провел рукой по его шее.

Проведя ладонью пару раз, он вдруг обнаружил на шее Линь Юшу глубочайший след — словно кто-то вылизывал и кусал это место снова и снова, накладывая следы друг на друга, пока не добился именно такого результата.

Рука Шэн Е на мгновение замерла.

Это оставил тот самый белоснежный лунный свет Юшу?

И что с того? Плевать.

Линь Юшу изначально был его жертвой, на сто процентов, целиком и полностью принадлежал ему — и по сей день оставался таковым.

Этот смертный будет только его.

Шэн Е отдернул руку, огляделся по сторонам и взглянул в соседнее зеркало на свое нынешнее лицо.

Лицо оказалось чрезвычайно похожим на его собственное.

Он всегда недоумевал, почему человек вроде Линь Юшу добровольно согласился стать жертвой, но в этот миг истина открылась ему.

Потому что его собственное лицо до боли напоминало тот самый недостижимый идеал.

Шэн Е не удержался и заскрежетал зубами.

И впрямь явился к нему нарочно.

Но, оглядев эту тесную, обшарпанную комнату и их простенькие наряды, он подумал: неужто это и есть тот самый белоснежный лунный свет, по которому так тосковал Юшу?

И это всё?

До чего же жалко он устроился.

Юшу таскался за ним и терпел такую нищету?

Ха, слов нет.

Но сейчас у него не было возможности увезти Юшу из этого мира, да и самому приходилось до определенной степени подчиняться здешним законам, из-за чего его сила подверглась жесточайшим ограничениям.

Какая досада.

Снаружи внезапно раздался стук в дверь. Шэн Е лениво бросил:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в щель осторожно заглянул слуга-кровопийца.

Судя по всему, слуга из их породы? Клыки на месте, вот только кожа донельзя мертвенно-бледная, а алые губы больше походили на плотный макияж.

Прислушавшись к собственным ощущениям, он понял, что кровное наследие вампиров в этом человеке практически сошло на нет.

Кровопийцы в этом мире откровенно слабы, — подумал Шэн Е.

Кровопийца протиснулся внутрь и боязливо осведомился:

— Всё в порядке?

Шэн Е с высоты своего величия надменно процедил:

— Кто здесь нынче князь, правящий кланом кровопийц? Позовите его ко мне.

Тот моргнул, ошеломленно хлопая глазами:

— Чегось?

Этим «служой-кровопийцей», разумеется, был Вэй Ли, который нарядился под вампира прямо во время съемок дорамы. Переживая за Линь Юшу, он воспользовался перерывом на обед и заглянул проведать его.

А когда заглянул, то невольно подумал: почему этот дублер Шэна сегодня выглядит совсем иначе? От него исходит такая мощная, устрашающая аура, что поднимать голову просто страшно.

Услышав вопрос про какого-то «князя», он снова растерялся:

— Какой князь? Я знать не знаю никаких князей.

Шэн Е нахмурился. Мысленно он заключил: ничтожные, презренные вампиры, им даже не под силу дойти до почитаемого князя.

И потребовал снова:

— Кто из вампиров занимает здесь наивысшее положение? Всех к мне, живо.

Вэй Ли: [...]

Подумав про себя, что этот дублер Шэна, при всей своей устрашающей жуткости, от долгой работы на подменах, должно быть, тронулся умом.

Он прямо ответил:

— Да нет же, полдень уже, вся наша съемочная группа отдыхает. Я просто зашел спросить, не хотите ли вы вдвоем перекусить здешними коробочками с едой, если надо — я захочу еще две порции. Здесь кормят отменно, на обед креветки с чесночным соусом, запеченные устрицы с чесноком, свиное брюшко с чесночной пастой, ребрышки с чесночным ароматом — в общем, пальчики оближешь.

При этих словах он даже невольно сглотнул слюнку. Потому что еда и правда была очень вкусной.

Но в этот момент лицо мнимого дублера резко переменилось; глядя на него свысока, он обрушил на парня удушающую, всепоглощающую волну убийственной ауры.

Чуть приоткрыв тонкие губы и являя лицу презрение, он произнес:

— Ты тоже мнишь, что сможешь убить меня?

В следующую секунду тот протянул руку, и Вэй Ли с ужасом осознал, что его тело помимо воли летит прямо к нему.

Случилось это в мгновение ока — чужая рука уже сжала его горло.

А прямо на его глазах из пасти этого человека выдвинулись два клыка.

Тот продолжил с издевательской неспешностью:

— Говори, кто тебя подослал? Собрался убить меня чесноком? Глупец, неужто ты думал, что эта жалкая дрянь способна навредить мне?

Вэй Ли: [...]

Вэй Ли:

Вэй Ли (с треснувшими зрачками и разрывающим душу воплем):

— А-а-а-а! Призрак! А-а-а-а! А-а-а-а-а!

<http://bllate.org/book/22421/2354123>